

ИНОЗЕМНАЯ РОССИЯ

Русская диаспора представляет собой безусловный феномен

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

Нет нужды перечислять великие свершения русских, они общеизвестны. Некоторые, если учесть скромную численность этноса, вообще грандиозны. Это и самая большая в мире территория государства, оставшаяся огромной даже после катастрофы 1991 года. И едва ли не единственная из христианских цивилизаций, упорно сохраняющая себя под натиском глобальных ересей и цифровых культур.

Русские в рассеянии — это феномен

Непомерным свершением можно считать и нашу диаспору, одну из крупнейших в мире. По данным ООН, за пределами Российской Федерации проживает около 26 миллионов носителей русского языка. Примерно столько же насчитывает диаспора индийцев. Самая большая в мире, китайская, превышает русскую лишь вдвое. И это притом, что индийцев с китайцами в их государствах по полтора миллиарда, а русских в РФ около ста миллионов. В пятнадцать раз меньше!

При таких пропорциях русская диаспора представляет собой безусловный феномен. Отношение к нему, несмотря на долгую историю и явную значимость, не назовешь устоявшимся и однозначным даже в самой России. Не говоря о странах нынешнего проживания выходцев из СССР/РФ. В одних и тех же государствах кто-то

видит в русской диаспоре угрозу, а кто-то дар судьбы. Равнодушные к русским встречаются редко. И к тем, кто живет на соседней улице с ними, а то и через дверь. И к тем, кто за тысячи километров от них населяет некую привычно грозную, по рассказам, прекрасную и ужасную, всегда загадочную страну.

А что же мы сами, составляющие эту диаспору? Как воспринимаем «наших» и себя самих, годами (кто-то уже и поколениями) живущих вне России? Кто мы такие во внешнем мире?

Мой ответ — просто русские. Только уже не такие, как те, что продолжают жить в границах Российской Федерации.

В этой наследственной связи, при несомненной разнице, заключается, на мой взгляд, явление исключительной важности, которое мы наблюдаем давно и которому до сих пор не дали надлежащего имени.

Происхождение

В советском прошлом, когда я жил в Ташкенте, узбеки официально именовались титульным населением. А всех нетитульных, для кого узбекский язык не был родным, титульные граждане называли уруссами. То есть русскими. Сами себя мы, урусы, делили на оренбургских казаков, эвакуированных евреев, спасшихся от геноцида армян, антифашистов-греков, заблудившихся в войне поляков и прочие

этносы переселенцев в Город хлебный. Дед одного из моих друзей, русского по паспорту, был швед.

Та же история в Германии — русскими здесь зовут всех переселенцев из бывшего СССР, от немцев Поволжья, украинцев и татар, до грузин и чеченцев. Общее мнение немцев — все они *die Russen*.

То же самое в Израиле, США, Австралии, Канаде и далее по глобусу. Если дома говоришь по-русски, если читаешь русские книги и смотришь российские телеканалы, то для титульного населения ты русский. Наличие у тебя местного паспорта и избирательных прав, владение их языком, погруженность в их культуру, вовлеченность в социальные и трудовые отношения — все это важно для государства, но для соседей и коллег вторично. Для них мы все и однозначно — русские.

А для себя? Мы-то здесь видим несомненные отличия — как русскоязычных прослоек друг от друга, так и здешних «наших» от жителей коренной России. Видим и общее в «наших».

Общего много. Больше, чем только семейный язык. Ибо частью своего сознания мы продолжаем жить в иной, давно распавшейся России, которая во всех своих окраинах была для нас одинаково сложно устроенным, многоярусным домом. Как тогда мы были «русскими» инородцами среди других народов, так остаемся «русскими» для других и сейчас. Только окраины изменились.

Новое имя

За тридцать пять лет, прошедших с распада большой России в формате СССР, многомиллионное расселение «наших» мало-помалу создало в мире новую формацию — иноземную Россию. Которую можно уже, по семантике Мало- и Новороссии, называть Инороссией. А ее насельников — инороссами.

В своих скитаниях через пределы разных стран мы неизменно несем с собой и в себе измененную расстоянием, иноземную Россию, эту самую Инороссию. Продолжаем хранить ее в смыслах, более глубоких, нежели географический, политический, даже только культурный. И обнаруживаем с годами, что именно эта часть существа оказывается в нас самой устойчивой и надежной. Принадлежность к Инороссии поддерживает нас в передрыгах, укрепляет наши семьи. Если удастся находить в новых странах новых друзей, то они, как правило, тоже оказываются инороссами.

Наши дети — сначала с нами, затем самостоятельно, — могут жить оседло, либо продолжать перебираться из страны в страну. Не так уж важно, считают ли они сами себя уже французами, израильянами, немцами, американцами. Многие из них в духовной основе своей остаются инороссами. В таких продолжает жить Инороссия.

В нынешнем веке Инороссия стала практически всепланетной. Несколько лет назад я вел проект по продаже книг на русском языке и поражался географии интереса к ним. Если б не неподъемные тарифы на доставку, наши книги покупали бы центнерами — в Японии, Исландии, на Сейшелах и бог весть в каких еще землях, где «наши» не просто живут, но учат своих детей оставаться русскими по книгам сказок и учебникам для российских школ.

Как некогда это было на окраинах Российской Империи, так остается и сейчас. Куда бы ни проросла Инороссия, любой ее листок сохраняет жилки языковых, культурных, духовных связей с коренной Россией, вгрызшейся в остатки своих исторических земель.

Отношения со страной исхода

Волны исторжения русских во внешний мир вызывались разными причинами, от катаклизмов (распад государства, война) до бюрократических решений (например, либерализация правил выезда).

И если в советском прошлом всякий эмигрант рассматривался государством едва ли не как враг, просто по факту жительства в другой стране, то сейчас официальное отношение к зарубежным соотечественникам сложнее. Звание врага теперь нужно заслужить. Как минимум, призывами в соцсетях к свержению власти или чему-то подобному. А доля реальных врагов государства Российская Федерация укладывается в обычные для всякого общества несколько малых процентов «революционеров».

В отношении остальных (а это подавляющее большинство «русских иностранцев») на передний план официальной политики России довольно давно уже вышла задача стимулировать репатриацию. И если из стран Центральной Азии действительно имел место всплеск «возвращенцев», то, скажем, Евросоюз заметных результатов не дает. Из миллионов русскоязычных жителей Германии, например, в прошлом году в Россию переехало восемь тысяч. Доли процента... Возможно, цифра бы выросла, если бы желающие вернуться не были слышаны о проблемах в системе приема соотечественников, например о бюрократизме, противоречивости

законов и непредсказуемых сложностях на местах, отягощающих процесс переезда.

Разрыв или дистанция?

Независимо от причин эмиграции, от времени, прожитого в другой стране, со страной исхода у большинства инороссов разрыва не происходит. Даже если там не осталось родных, их продолжает связывать с Россией культурная основа личности, потребность в общении на родном языке, причем не только в семье. Книги российских издательств, русское телевидение, социальные сети России — вот неперенные атрибуты жизни большинства современных русских эмигрантов.

В подавляющем большинстве выходцы из стран СССР, освоив язык новой страны, вжившись в новую среду (другая работа, другие друзья, более или менее освоенная иная культура, иные условия жизни и стандарты поведения, невозможные ранее планы и т.п.), ментально остаются русскими. И даже те, кто дома таковыми не считался (российские немцы, евреи, армяне и прочие меньшинства, теперь еще и украинцы), исподволь начинают ощущать себя русскими.

Это развивается несколькими путями. И потому, что всех их без разбору, по одному акценту, коренные жители пожизненно числят в русских. И потому, что в большинстве они, независимо от этнических корней, смотрят вечерами телевидение и читают книги на русском языке, потому что так легче получать информацию.

Если кто-то по каким-то причинам попытается отделаться от этой «русскости», то скоро обнаружит, что для этого нужно изменить основы своей личности, заложенные в детстве и развитые образованием, у многих еще советским. Для

Памятный знак, установленный в 2003 году на набережной Лейтенанта Шмидта в Санкт-Петербурге

этого нужен огромный труд при сомнительном результате. Может, поэтому я таких экспериментаторов ни разу здесь не встречал. Даже не слышал о таких попытках.

Зато вижу изрядное число «русских» магазинов, а в них корейцев, татар, грузин и бог весть кого еще, между собой и на кассе общающихся по-русски. Если «русский» магазин большой, то в нем и около него гнездятся книжные ларьки, туристические бюро, телефонные и телевизионные сервисы, адвокатские конторы. И вывески у всех на русском, и с клиентами любых корней, кроме немецких, там с полувзгляда заговорят по-русски. С немцами по-немецки, естественно. Для всех это в порядке вещей.

Итак, разрыва нет. Но дистанция возникает почти неизбежно.

В новой жизни и в другой культуре одна за другой проявляются такие особенности, которых не было и быть не могло в жизни прошлой. В какой-то момент понимаешь, что привязался к ним. С этого начинается твоя интеграция в новое общество.

Следующая фаза интеграции наступает, когда видишь, насколько выросли в эту жизнь твои дети, вообще не знающие иной. В этой фазе обычно проявляет себя и дистанция от прошлого. События в России и вокруг нее по-прежнему не безразличны, но участвовать в них ты уже точно не сможешь. Зато можешь влиять на жизнь нынешней своей страны. Во всяком случае, если стал гражданином и получил право голоса. Для них эта позиция не может быть заслонена обещаниями снизить налоги, отремонтировать мосты, защитить права трансгендеров, спасти климат и т. п.

Это право инороссы всегда соотносят с позицией той или иной партии в отношении России. Это не значит, конечно, что всякий иноросс по умолчанию на стороне власти, действующей сейчас в России.

Такого в межгосударственных отношениях не бывает. Тем не менее известно, что в Германии, например, большинство инороссов отдает голоса партии АдГ, последовательно выступающей за диалог с российской властью. А это – миллионы голосов. Купить которые нельзя.

Главный вопрос

Как же следует относиться коренной России к своему порождению – Инороссии? Скрыт ли в ней неизбежный ущерб для основного этноса? Или же, напротив, она чревата новыми достижениями русских, в том числе аномальными? Чего ожидать от нее сейчас, когда на наших глазах идут переустройство и перекройка мира?

Для лучшего понимания полезно обратиться к опыту самой крупной диаспоры мира.

Хуацяо

Так называют китайцев, постоянно живущих вне Китая. Их более 60 миллионов. Нет на свете сколь-нибудь крупного города без своего Чайна-тауна. Как говорят в Поднебесной – Китай там, где есть китайцы, а это значит, что Китай есть почти везде.

Существенное отличие хуацяо от зарубежных русских лежит не в языке и не в разрезе глаз, а в традиции отношения к ним жителей страны исхода.

В традиционном китайском сознании гражданство не имеет большого значения. Гораздо важнее происхождение, причем как самого хуацяо, так и его предков. Если прадед чикагца родился в Китае, то житель Пекина считает его китайцем. Традиция «коренных» не отторгает хуацяо от жителей Поднебесной. Китайцы в пределах Китая воспринимают хуацяо

соотечественниками, которым просто выпала судьба оказаться за границей. Что ж, нужно и там вести себя достойно китайца. Возвращение же хуацяо на родину, даже через несколько поколений, всеми воспринимается как счастливое воссоединение с семьей.

Может оттого, что пуповина с отъездом не рвется, всякий китайский эмигрант, в отличие от русского, старается селиться ближе к соотечественникам, обжившимся в другой стране. Окружение «своих» никак не мешает китайцу интегрироваться в жизнь его новой страны, вплоть до получения ее гражданства.

И что особенно важно – где бы ни жили хуацяо, они абсолютно лояльны к странам проживания. Работают ли по найму, сами ли создают рабочие места, но исправно платят местные налоги и вообще всеми способами стараются повышать благосостояние среды обитания. Результат соответственный. По некоторым оценкам, хуацяо владеют сегодня в странах проживания активами на сумму более 2,5 триллиона долларов США. Это восьмой по размерам объем активов в мире. Если бы хуацяо могли действовать слаженно, они влияли бы на глобальные процессы в той же мере, как немалая по размерам, экономически развитая страна.

А что же китайское государство? Зовет ли хуацяо вернуться домой? Ничего подобного. Линия компартии рациональна: хуацяо должны укреплять свои позиции за границей, процветать там и богатеть. Но свои капиталы пускай инвестируют в отечественную, китайскую индустрию. Так оно и происходит.

В Китае основная роль государства в отношении своей диаспоры – координатор ее экономической деятельности. Ни во внешнюю, ни тем более во внутреннюю политику хуацяо официально не втягивают. Да в том и нужды нет. Благодаря

связям с родственниками и друзьями на исторической родине хуацяо поддерживают в действии два встречных потока. В Китай беспребойно льются переводы валюты, из Китая едет молодежь на учебу в страны пребывания хуацяо. Оба потока чрезвычайно важны для внутренней политики компартии.

Что же до внешней политики, то чем больше активов хуацяо инвестировано в экономику Китая, тем внимательнее их владельцы следят в своих странах за действиями правительств. И у них есть способы купировать возможный вред интересам Китая.

Русские иностранцы

Пример Китая доказывает, что России тоже нет нужды мыслить себя территорией в определенных географических границах. XXI век показывает многими примерами, что крупнейшие культурные пространства давно уже не совпадают с формальными границами государств – источников и хранителей основных культур.

Поскольку же носителем культуры всегда был и будет язык, мы видим сложившиеся миры носителей языков – англоязычный, испаноязычный, франкофонный, лузофонный... Распространившиеся по всему свету хуацяо – не что иное, как мир путунхуа, основного из китайских языков.

Русскоязычный мир тоже давно и намного больше Российской Федерации. Его зарубежная ипостась, Инороссия, это вообще не география и не диаспора, не части других государств, не сферы и объекты деятельности каких-либо учреждений России. Это пространство нашего общего языка, нашей общей исторической памяти и живого культурного опыта, включающего культуры тех стран, где живут инороссы.